

ЯПЪЯН ЗЕБЕРГ

В ледовитое море

Поиски следов Баренца на Новой Земле
в российско-голландских экспедициях
с 1991 по 2000 годы

Paulsen

Дневники современных экспедиций

Япьян Зеберг

**В ледовитое море. Поиски
следов Баренца на Новой
Земле в российско-голландских
экспедициях с 1991 по 2000 годы**

«Паулсен»

2005

УДК 910.4
ББК 26.8г

Зеберг Я.

В ледовитое море. Поиски следов Баренца на Новой Земле в российско-голландских экспедициях с 1991 по 2000 годы / Я. Зеберг — «Паулсен», 2005 — (Дневники современных экспедиций)

ISBN 978-5-98797-303-5

Книга "В ледовитое море" открывает новую серию книг, выходящих в издательстве "Паулсен" - "Дневники современных экспедиций". Книга рассказывает о российско-голландских экспедициях на Новую Землю и остров Вайгач, где совместно с российскими археологами ученые искали следы последней, третьей экспедиции Виллема Баренца. Для Баренца экспедиция закончилась трагически – во время первой в истории Арктики зимовки в 1597 г. он скончался на Новой Земле. Могила его до сих пор не найдена. Действие книги Зеберга "В ледовитое море" разворачивается в двух исторических плоскостях: это события экспедиций на Новую Землю под руководством П. В. Боярского в 1990–2000-е гг., описанные в дневниках голландских участников, и события, случившиеся более четырех веков назад и положившие начало тесному переплетению фактов, историй, документов и лиц, крепко-накрепко связавшему две страны.

УДК 910.4

ББК 26.8г

ISBN 978-5-98797-303-5

© Зеберг Я., 2005

© Паулсен, 2005

Содержание

Путешествие в историю параллельным курсом	7
От автора	26
Глава 1	28
Через Карские Ворота	31
На север к Новой Земле	35
В ледяной ловушке	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Япьян Зеберг
В ледовитое море
Поиски следов Баренца на Новой
Земле в российско-голландских
экспедициях с 1991 по 2000 годы

© J. J. Zeeberg, 2005

© ООО «Паулсен». Издание на русском языке переработанное и дополненное, 2022

Путешествие в историю параллельным курсом Предисловие научного редактора

До сегодняшнего дня я ни разу не встречался с Япьяном Зебергом. На его книгу *Into the Ice Sea* («В ледовитое море») я наткнулся весной 2020 года, работая над статьей об эффекте Новой Земли для журнала «Наука и жизнь» (см. № 6, 2020). Редакция журнала попросила меня найти портреты главных действующих лиц той истории: Виллема Баренца и Геррита де Вейра. В тот момент я знал наверняка, что известный портрет Баренца – это новодел XIX века, и был уверен, что портретов де Вейра не сохранилось вовсе. Однако в одном из подстрочных примечаний в книге Япьяна утверждалось, что в Историческом музее Амстердама хранится групповой портрет, написанный в 1599 году, на котором изображены Баренц и де Вейр. И я недолго думая написал автору с просьбой уточнить источник его сведений. Так завязалась наша переписка.

И еще я внимательно погрузился в «Ледовитое море». На первый взгляд могло показаться, что это обычный экспедиционный дневник, рассчитанный на западного читателя, – рассказ об экзотических местах и необычных людях. Но я взглянул на него с другой точки зрения: знакомые события, знакомые места, имена, которые давно на слуху – в том числе в совершенно ином контексте, чем в книге, – но увиденные автором с необычного ракурса, совмещающего взгляд изнутри и взгляд со стороны одновременно. И мне подумалось, как бы было здорово, если бы его голос зазвучал по-русски. Я глубоко благодарен издательству Паулсен и его генеральному директору Раисе Яковлевне Неягловой-Колосовой за поддержку этого необычного начинания.

Сегодня, почти ровно год и 580 электронных сообщений спустя, перед вами – результат нашей работы. Книга не только переведена, но существенно переработана, дополнена и отредактирована научным редактором.

Автор книги – специалист в области геотехнологий и наук о Земле, тема его диссертации, защищенной в университете Иллинойса в Чикаго (UIC): «Климат и гляциологическая история архипелага Новая Земля». Еще он – человек, искренне увлеченный историей Нидерландов и внимательно относящийся к истории России.

Япьян Зеберг несколько раз бывал в нашей стране, причем география его российских поездок: Новая Земля, Воркута, Лабытнанги, Диксон – для большинства наших соотечественников лежит дальше самого дальнего зарубежья.

Сюжет книги Япьяна Зеберга непривычен. Действие разворачиваются в двух исторических параллелях: с одной стороны, это события недавнего прошлого – новоземельские экспедиции 1991, 1995, 1998, 2000 годов, многие участники и свидетели которых – наши современники, живущие как в России, так и в Нидерландах, а с другой стороны – события, случившиеся более четырех веков назад и положившие начало тому тесному переплетению фактов, историй, документов и лиц, что крепко-накрепко связало наши две страны.

В своей редакторской роли я оказался в уникальном положении – мне достаточно было написать электронное письмо или позвонить по телефону, чтобы поговорить с героем событий – участником исторических экспедиций. Но этим дело не исчерпывалось. Когда работаешь с текстами, картами, документами, порой случается, что из нагромождения дат и фактов (а также и мифов) вдруг проступает фигура человека с его обстоятельствами, сомнениями, решениями и находками, связывающая ряд событий в одно логическое целое, и тебе трудно отделаться от впечатления, что и с этим человеком, жившим столетия назад, у тебя состоялся прямой и откровенный разговор.

Что же касается портрета, с которого завязались наши отношения с автором, то изображен на нём не Баренц – в 1599 году его уже два года как не было в живых. Рядом с Герритом де Вейром – а это несомненно он! – стоит Корнелис Клас, амстердамский издатель морской литературы. Анализ портрета и идентификация изображенных на нём людей были выполнены более 130 лет назад (J. Six. Cornelis van der Voort. Een eerste poging tot het terugvinden van zijn werk als portretschilder. – *Oud Holland*. Vol. 5. 1887). Любопытно, что безжалостно отретушированный (от Геррита де Вейра остался лишь рукав) и лишенный своих корней (то есть ссылки на имя живописца, название картины и место ее хранения), портрет этот был какое-то время назад запущен в сеть как портрет Баренца. А в 2020 году попал даже в этой роли на специальную марку, выпущенную в Баренцбурге.

Рота капитана Яна де Бисхопа и прапорщика Питера Эгбертса Финка. Групповой портрет стрелков гражданского ополчения, написанный Артом Питерсом в Амстердаме в 1599 году. Фрагмент с изображением Геррита де Вейра и Корнелиса Класа. Кварт-блок (2020), на котором отретушированное изображение Корнелиса Класа представлено в качестве портрета «Вилли Баренца». Из коллекции Дениса Хотимского

СООБЩЕНИЯ О НИДЕРЛАНДСКИХ АРКТИЧЕСКИХ ПЛАВАНИЯХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

По-видимому, самыми ранними сообщениями о нидерландских полярных плаваниях на русском языке стали две короткие анонимные заметки, опубликованные в академических Календарях за 1734 и 1735 годы¹. В первой из них представлены события плавания Виллема Баренца к северной оконечности Новой Земли в 1594 году (достижения южной экспедиционной партии в составе зеландского и энкхаузенского кораблей никак не отражены). В основе текста лежит, очевидно, «Дневник» де Вейра, причем, судя по транслитерации топонимов, был использован какой-то его немецкий перевод. Вторая заметка содержит краткое сообщение об экспедиции 1595 года. Транслитерация топонимов (Крейць-Эккь, Цвисть-Эккь) и некоторые детали повествования (два мертвых кита на берегу залива) указывают на то, что перевод был сделан с сокращенной адаптации нюрнбергского издания.

Первое полное сообщение о нидерландских арктических экспедициях на русском языке было опубликовано в 1738 году в пяти последовательных выпусках Примечаний на Санктпетербургские ведомости под названием «О мореплавании в север». Его составителем был академик Петербургской Академии наук Христиан-Николай фон Винсгейм (1694–1751). По признанию автора, в основу сообщения было положено «краткое известие, которое взято из Атласа, сочиненного чрез Амстердамскаго бургомистра Николая Витсена»². В нём же, в свою очередь, был использован как «Дневник» де Вейра, так и отчет Линсхотена. Описанию собственно плаваний предпослан исторический очерк, объясняющий источники интереса к поиску северного пути в Азию. В части, посвященной первой экспедиции 1594 года, изложены действия как северной (Виллем Баренц), так и южной (Корнелис Най) экспедиционных партий. Кроме того, по-видимому, впервые на русском языке увидело свет известие об экспедиции 1596–1597 годов и о зимовке Баренца на Новой Земле.

¹ (а) Историческое известие о искомом от Голландцов около Норд-Оста ходе в Остиндию // Календарь или Месяцослов на лето от Рождества Христова 1734, которое есть простое лето, содержащее 365 дней, сочиненный на знатнейшия места Российскаго Государства. – В Санктпетербурге. При Императорской Академии наук. 1734. – 8 с. (б) Краткое известие о втором от Голландцов около Норд-Оста искомом ходе в Остиндию // Календарь или Месяцослов исторический на лето от Рождества Христова 1735, которое есть простое лето, содержащее 365 дней, сочиненный на знатнейшия места Российскаго Государства – В Санктпетербурге. При Императорской Академии наук. 1735. – 6 с. Здесь и далее все сноски без указания авторства принадлежат научному редактору книги Денису Хотимскому.

² О мореплавании в север // Примечаний на Ведомости части 22, 23, 24, 25 и 26. В С.-Петербурге при Императорской Академии Наук. 1738. С. 85–107.

КАЛЕНДАРЬ
ИЛИ МѢСЯЦОСЛОВЬ
НА ЛѢТО
ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
1734.
которое есть простое лѣто, содержащее
365 дней,
СОЧИНЕННЫИ
на знатнѣишя мѣста
РОССИЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

яютъ. Но тошъ часъ можно найти, что
это превелкая неправда. Сте очищене
лѣздъ не что иное есть, какъ загорѣвшяся
лѣды, которые чрезъ нѣкоторое время на
воздухъ раздѣлены пребываютъ, а по тошъ
чрезъ иремѣненіе воздуха вмѣстѣ сходятся
и опадая на низъ загараются, и того ради
лѣсьма не далеко, но по краинѣ мѣрѣ шокис
на нѣсколько верстѣ, въ низъ опускаются. Сте
есть самое главнѣишее, что о не подвижныхъ
лѣздахъ знать надежитъ, понеже большее
оныхъ описание очюнь далеко въ Астрономію
вступается, и наибольшимъ читателямъ скуку
учинить можетъ; чего ради мы оное симъ
окончиваемъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

О исканіи отъ Голландцовъ около Норд-
Оста ходъ въ Остндію.

Едва только соединены нынѣ семь Ни-
дерландскихъ провинціи въ XVI вѣкѣ по
рождествѣ Христовѣ отъ Гішпанскаго
ига свободились и въ принадлежащихъ тогда
до Гішпаніи Остндіискихъ Португальскихъ
провинціяхъ купечество свое утвердили, то
нѣкоторые изъ ихъ подданныхъ, у которыхъ
главнымъ человекомъ былъ Балшазаръ Муше-
ронъ въ Мидделбургѣ въ Зеландіи живущи
купецъ, задумали ближайшаго пуши въ Остн-
дію, нежели какъ до того времени около
Африки оной знаемъ былъ, Сѣверовосточнымъ
моремъ искать. Для сего намѣренія воору-
жили они впервые въ 1594 году съ позволе-
ніемъ ихъ высокомощества господъ Генераль-
ныхъ

Титульный лист и заглавная страница первого опубликованного на русском языке сообщения о нидерландских арктических плаваниях. Календарь-месяцеслов. 1734. Из коллекции Дениса Хотимского

[93]

ПРИМѢЧАНІЙ

НА

ВѢДОМОСТИ

ЧАСТЬ 24.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ МАРТА 23 ДНЯ, 1738 ГОДА.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВТОРОЕ

О

МОРЕПЛАВАНІИ ВЪ СѢВЕРѢ.

Яковъ Геемскеръ, и Гвильелмъ баренцъ, отправились съ своими судами подъ 72 градусъ, или, по ихъ счисленію думали они, что были прямо противъ мыса Канденоесъ, отшуда побѣжали они къ новой землѣ, которую увидѣли 17 Іюля. 19 дня прибыли они къ острову Крюкъ, лежащему подъ 76 градусомъ 20 мінутами. Но какъ они не могли бѣжать далѣ ради льду; то они принуждены были стать шамъ на якорь. И хотя 4го Августа оставили они то мѣсто; однако принуждены были 7 го дня, тогожъ мѣсяца причалить свое судно, къ одной льдинѣ ужасныя величины: ибо въ водѣ ея было глубиною на 36 сажень, а сверхъ воды на 16. 15 дня, прибыли они къ Орнскому острову, гдѣ такъ ихъ ледъ окружилъ, что они едча не

У поше-

Заглавный лист «Примечаний на Ведомости» от 23 марта 1738 года с сообщением о третьем плавании Виллема Баренца и Якоба ван Хеймскерка. Музей книги Российской государственной библиотеки

Когда в 1788–1789 годах Василий Васильевич Крестинин (1729–1795), архангелогородский гражданин и историк-краевед, опубликовал свое описание Новой Земли, составленное по рассказам поморов-промышленников³, единственным доступным ему историческим источни-

³ Крестинин, В. В. Географическое известие о Новой земле полунощнаго края // Новыя ежемесячныя сочинения. 1788. – Ч. 19. С. 3–46. Крестинин, В. В. Прибавление первое к географическому известію о Новой земле полунощнаго края // Новыя ежемесячныя сочинения. 1789. – Ч. 31. С. 3–49. Крестинин, В. В. Прибавление второе к географическому известію о Новой земле полунощнаго края // Новыя ежемесячныя сочинения. 1789. – Ч. 31. С. 49–78.

ком было сообщение фон Винсгейма. «По старинному преданию Мезенцов, – писал В. В. Крестинин о мысе Спорый Наволок, – на сем месте некогда зимовали Голландцы. Надлежит сие приключение, по Истории о мореплавании в север Англичан и Голландцов, относить к 1596 году»⁴.

В 1792 году Географическим департаментом правительства был издан «Российский атлас», пришедший на смену академическому атласу 1745 года. Составлением атласа, который призван был отразить новое административное устройство империи, разделенной на губернии и наместничества, руководил математик, географ и астроном Александр Михайлович Вильбрехт (1757–1823). Близ северной оконечности Новой Земли, изображенной на карте Тобольского наместничества, была помещена легенда: «Здесь перезимовали Голанские Корабли в 1596 году». На более ранних российских атласах – Ивана Кириллова 1734 года и Жозефа Николя Делиля 1745 года – упоминаний о новоземельской зимовке не было.

В 1819 году Василий Николаевич Берх (1781–1834), морской офицер и историк флота, подготовил к печати книгу об истории географических открытий россиян, но опубликовать смог лишь отдельные фрагменты. В одном из таких фрагментов он рассказывает в том числе и о третьем плавании Баренца, открытии им Шпицбергена, зимовке на Новой Земле, а также о смерти «самого искусного из всех ранних путешественников» при возвращении зимовщиков в Колу⁵.

Также перу В. Н. Берха принадлежит двухтомное сочинение под названием «Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны», первый том которого, вышедший в 1821 году, содержит более подробный рассказ обо всей нидерландской арктической эпопее, в особенности – о событиях первой и третьей экспедиций. Изложение основано как на «Дневнике» де Вейра, так и на отчете Линсхотена⁶.

Любопытно, что и Х. Н. Винсгейм, и В. Н. Берх подчеркивают преждевременное наблюдение солнца зимовщиками на Новой Земле 24 января 1597 года, хотя попыток объяснить это явление ни тот ни другой не предпринимают.

В 1821–1824 годах будущий адмирал и президент Академии наук, а в то время – капитан-лейтенант флота Федор Петрович Литке (1797–1882) возглавлял ежегодные научные экспедиции в Белое море и к берегам Новой Земли. Результатом плаваний стала вышедшая в 1828 году книга «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан»⁷. Начиная свой труд с исторического обзора, Литке посвящает более тридцати страниц подробному изложению истории нидерландских арктических плаваний, привлекая для этой цели работы как де Вейра, так и Линсхотена, и делая особый упор на истории новоземельской зимовки. При этом он замечает, что «из всех случаев, повстречавшихся Голландцам, наибольшего внимания заслуживает раннее появление солнца», и подробно разбирает свидетельства де Вейра, включая его сообщение о наблюдении зимовщиками соединения Юпитера и Луны.

Читателю может показаться, что информация о нидерландской арктической эпопее 1594–1597 годов в России была общедоступной, хотя на самом деле она была практически исключена из научного оборота или по меньшей мере оставалась малоизвестной. Во всяком случае, в 1936 году при подготовке первого полного издания «Дневника» де Вейра на русском языке (речь об этом издании ниже) его переводчик профессор Александр Иустиневич Малейн

⁴ Крестинин, В. В. Прибавление первое. С. 10.

⁵ Берх, В. Н. Прибытие Англичан в Ледовитое море, обретение Новой Земли и островов Шпицбергенских // Сын Отечества. 1819. Часть 54. Книга № XXV. С. 239–262.

⁶ Берх, В. Н. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны, с присовокуплением обозрения физических свойств того края. Часть Первая. СанктПетербург: В военной типографии Главного Штаба. 1821. С. 28–41.

⁷ Литке, Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное по повелению императора Александра I, на военном бриге «Новая Земля» в 1821, 1822, 1823 и 1824 годах флота капитан-лейтенантом Федором Литке – СанктПетербург: В Морской типографии 1828. – 2 т. Второе издание: Литке, Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». – М.-Л., 1948. – 334 с.

(1869–1938), по-видимому, не был знаком ни с одним из них. По его мнению, «впечатление от путешествий голландцев отразилось наконец и в России» лишь в 1895 году, когда историк-архивист Сергей Алексеевич Белокуров (1862–1918) опубликовал в журнале «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских» трехстраничный текст относящийся предположительно к 1598 году. Происхождение, палеографическое описание и место хранения рукописи остались невыясненными.

В 1915 году в двух последовательных выпусках «Записок по Гидрографии» был опубликован перевод «Плаваний на север» Яна Хейгена ван Линсхотена, выполненный баронессой О. М. Дризен⁸. Хотя текст, описывающий события первых двух арктических экспедиций 1594 и 1595 годов, был значительно сокращен по сравнению с оригиналом, на сегодняшний день это наиболее полный вариант книги Линсхотена, доступный на русском языке.

Первое полное издание книги Геррита де Вейра на русском языке вышло в 1936 году в переводе с латинского языка, выполненном Александром Иустиновичем Малеиным под редакцией известного полярника Владимира Юльевича Визе (1886–1954)⁹.

Сравнительно недавно, в 2011 году, вышел еще один перевод, уже со староголландского языка, выполненный Ириной Михайловной Михайловой под общей редакцией Петра Владимировича Боярского¹⁰. В книгу вошли дополнительные исследовательские материалы, добытые археологическими экспедициями 1993 и 1995 годов, а также перевод на русский язык избранных фрагментов из книги Яна Хейгена ван Линсхотена, относящиеся к июлю – августу 1594 года.

ИМЯ АВТОРА ПОЛЯРНОГО ДНЕВНИКА И НЕТ *BEHOUDEN HUYS*

В книге, которую вы держите в руках, цитируются записки о трех плаваниях Виллема Баренца, написанные Герритом де Вейром. Приходится признать, что такое написание его имени по-русски пока еще не является устоявшимся. Перевод А. И. Малеина 1936 года называет его Геррит де-Фер. В последующие годы можно встретить также варианты Геррит де Веер и Геррит де Вер. В издании 2011 года он предстает как Херрит де Вейр. Что касается фамильного имени, то мы следуем образцу 2011 году, соглашаясь, что де Вейр – наиболее обоснованный фонетически и исторически вариант его русского написания. В написании собственного имени мы отдали предпочтение варианту «Геррит», чтобы различить имена, начинающиеся с букв G и H (как у героев книги – Jacob van Heemskerck или Henk van Veen).

Построенное на Новой Земле жилище, в котором нидерландские моряки под началом Виллема Баренца и Якоба ван Хеймскерка провели зиму 1596–1597 годов, известно во всём мире как *Het Behouden Huys*. Василий Берх и Федор Литке называют его хижинкой (последний, если быть точным, – хижинкой). Б. В. Милорадович в 1933 году – избою. Владимир Визе в своем предисловии к изданию 1936 года – домом. Петр Боярский в 2011 году – приютом, хотя в исследовательских материалах этого издания выражение оставлено без перевода. Виктор Державин – зимовьем и Ледяной Гаванью. Вадим Старков – зимовочным домом. В последние годы некоторые авторы стали переводить выражение *Het Behouden Huys* как «Дом спасения», подчеркивая при этом, что это название дали дому при постройке сами голландские моряки.

Действительно, «дом спасения» – подходящее название для убежища, построенного на незнакомом берегу для защиты от морозов и пург. Но оно вовсе не эквивалентно оригинальному нидерландскому выражению. Назвать построенный ими дом *Het Behouden Huys* зимов-

⁸ Нидерландские экспедиции к северным берегам России в 1594–1595 гг. // Записки по Гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением. Петроград. – 1915. Том XXXIX. Выпуск 3. С. 480–506. Том XXXIX. Выпуск 4. С. 570–584.

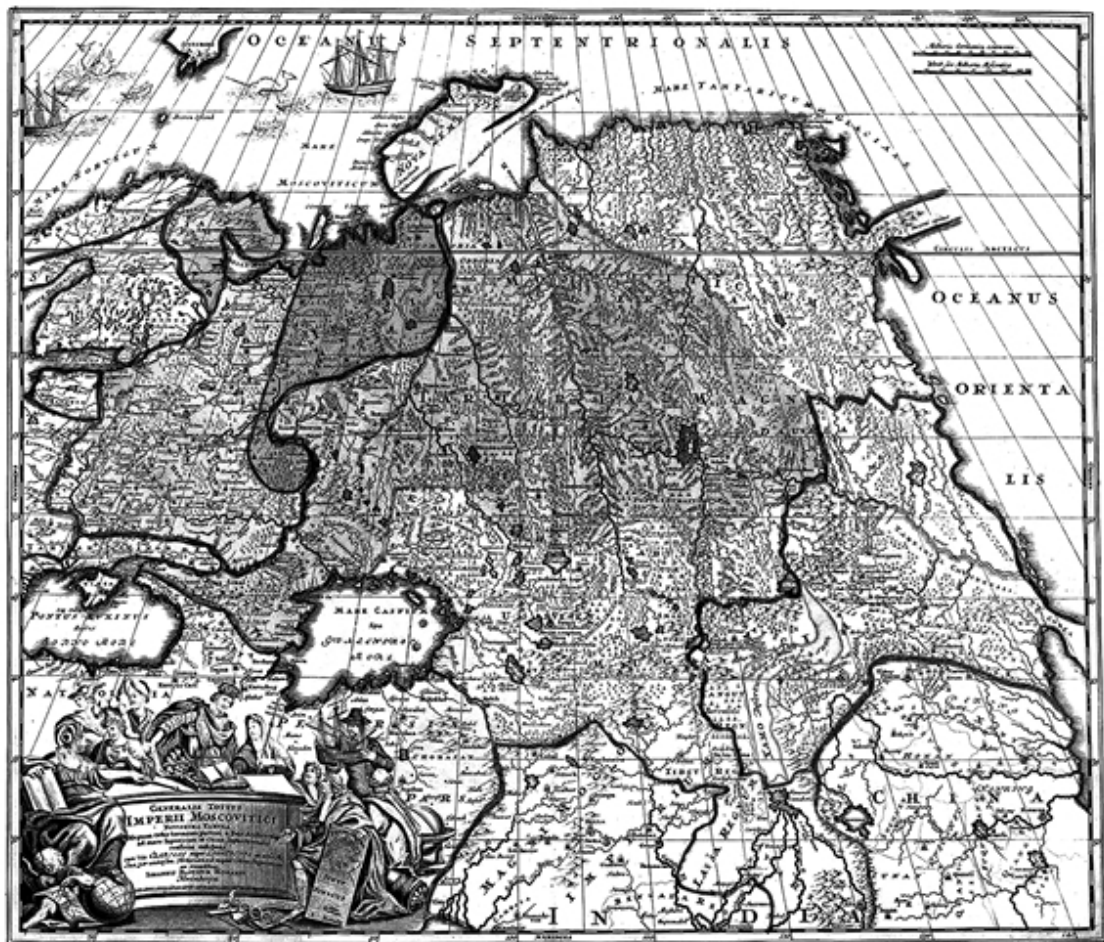
⁹ Де-Фер, Г. Плавания Баренца (*Diarium Nauticum*) 1594–1597. Л.: Изд. Главсевморпути, 1936.

¹⁰ Де Вейр, Х. Арктические плавания Виллема Баренца 1594–1597 гг. М.: Рубежи XXI, 2011.

щики не посмели. Сколько бы мы ни искали, мы не найдем этих слов в «Дневнике» де Вейра. Нидерландские моряки называли свое жилище просто – дом (*huys*, что произносится как «хаус»). Впервые выражение *Het Behouden Huys* появляется лишь на картах Баренца и де Вейра, напечатанных и опубликованных весной 1598 года, через несколько месяцев после возвращения выживших участников зимовки в Амстердам.

Обратим внимание на толкование, данное Ириной Михайловой в книге 2011 года: «В переводе с нидерландского «Охраняемый, спасаемый дом» [подразумевается: Господом Богом]. Так, с кальвинистским оттенком, стали называть дом, в котором перезимовали голландцы на Новой Земле, после выхода в свет книги Херрита де Вейра». [Де Вейр, 2011. С. 215].

Чтобы назвать зимовье *Het Behouden Huys*, недостаточно построить его. Нужно пережить в нём жестокую зиму, сохраняя твердость духа и веру в свои силы, поддерживая вахтенную дисциплину и друг друга, затем – собрать и упаковать вещи, запереть дверь и вернуться домой тысячемильным морским переходом в открытых лодках, имея, быть может, один шанс на спасение из тысячи. И лишь потом, оглянувшись назад, можно поразиться достигнутому и осознать – должно быть, всё это время кто-то держал над тобой свою простертую десницу.

Зимовье Хеймскерка (Hybernatio Hemskirchis. A.1596) на карте Йоганна Баптиста Хоманна «Generalis Totius Imperii Moscovitici Novissima Tab». Нюрнберг. Печатная доска в состоянии 1710 г. Публикуется с любезного разрешения Барри Рудермана (Сан-Диего)

Вот поэтому в нашем переводе выражение *Het Behouden Huys* передано как «Благохранимый дом» (впервые этот перевод был использован в журнале «Наука и жизнь», № 6, 2020). Кому-то это название может показаться излишне высокопарным. Мол, подумаешь, Новая Земля... Это далеко, холодно и к тому же радиоактивно, а потому что-то кем-то построенное там много столетий назад никакой пышности не заслуживает. Однако давайте задумаемся на минуту. *Het Behouden Huys* – **единственная в истории человечества** отдельно стоящая постройка, которую, презрев жесткие каноны картографической генерализации, космографы всего мира изображали и подписывали на своих картах вне зависимости от их масштаба! Тогда как, скажем, Москва, Лондон или Амстердам удостоивались лишь кружочка.

ТРЕТЬЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Рассказывая в главах 12 и 13 о событиях экспедиции 1595 года, Япьян Зеберг отмечает в отношении ряда драматических эпизодов (столкновение кораблей, протаскивание под килем виновных в воровстве, казнь бунтовщиков), что их описание вместе с иллюстрациями присутствует лишь в нюрнбергском издании *Дневника* [Hulsius 1598]. В русские переводы 1936 и 2011 годов, в основе которых лежали оригинальные тексты, изданные Корнелисом Класом в Амстердаме в 1598 году, эти эпизоды также не вошли.

Впервые на эту особенность немецкого издания обратил внимание в 1853 году Чарльз Тилстон Бик. Возмущенный использованием имени де Вейра в отношении не принадлежащего ему текста, Ч. Т. Бик не поспешил на критические слова в адрес нюрнбергского издателя: «непозволительная вольность», «не заслуживает доверия», «обман публики» и проч. Лишь на рубеже 1920-х годов Комбертус Питер Бургер-младший (1858–1936), служивший в течение четверти века библиотекарем Амстердамского университета, смог пролить свет на источник различия в текстах. В том же 1598 году, когда была опубликована написанная по горячим следам книга де Вейра, в Кёльне на немецком языке вышел сборник морских историй под названием *Meer oder Seehanen Buch*, составителем которого значился Конрад Лёв (Conrad Löw). В состав сборника входило анонимное сообщение о втором нидерландском арктическом плавании 1595 года. По содержанию это сообщение отличалось от описаний Линсхотена и де Вейра и при этом содержало детали, совпадающие с добавлениями, сделанными в немецком издании.

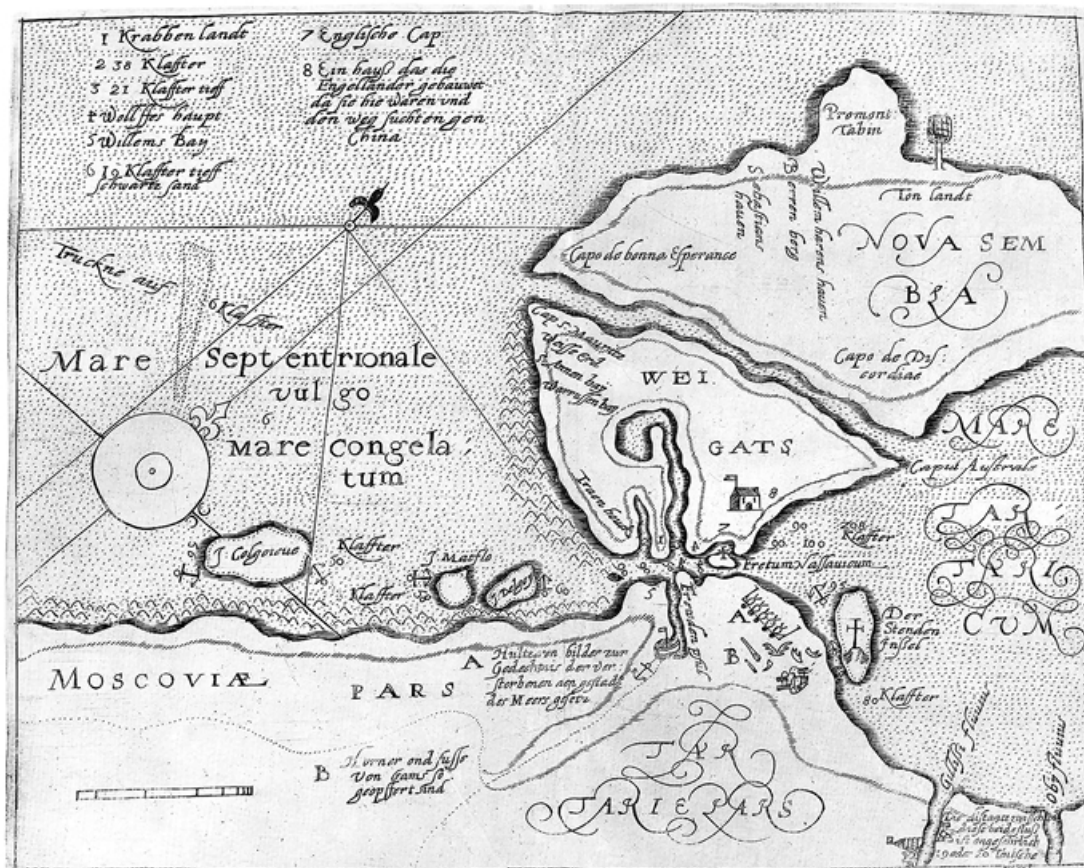
Готовя к публикации «Дневник» де Вейра в 1936 году, Владимир Юльевич Визе располагал как комментариями Ч. Т. Бика, так и копией сочинения Конрада Лёва (чего у Бика в 1853 году не было). Хотя В. Ю. Визе и счел «небезынтересным» процитировать два развернутых фрагмента из этой книги, он автоматически распространил на нее предостережение, вынесенное Чарльзом Биком в отношении нюрнбергского издания: «Достоверность некоторых добавлений, имеющихся в книге Хульсиуса, поставлена Б. Беке (sic), редактором английского издания Де-Фера (1853), под большое сомнение. С еще большей осторожностью следует отнестись к указанной книге Конрада Лёв» [С. 11]. Тем самым В. Ю. Визе фактически вынес этой книге приговор, оспорить который никто, видимо, и не пытался. Между тем дело обстоит ровно наоборот!

Конрад Лёв, разумеется, лишь составитель сборника, поэтому его личность и заслуги не имеют отношения к делу. Об авторе же анонимного сообщения можно сказать, что он был непосредственным участником экспедиции 1595 года и при этом находился именно на корабле Виллема Баренца. Корабль этот – *Gulden Winthont*, или «Золотая борзая», – был самым большим во флотилии из семи судов, и на нём, кроме собственно команды, находились пассажиры: купцы, ремесленники, городские депутаты – те, чье присутствие считалось необходимым для установления торговых отношений с далекими восточными странами. Впечатления человека, сведущего в навигации и мореплавании, автор сообщения не производит, ибо его суждения в этом деле поверхностны и путаны. Вместе с тем ему нельзя отказать в наблюдательности и в проницательности, когда речь касается человеческих отношений. В особенности его интересуют законы, обычаи и нравы северных народов, и он посвящает целые страницы их описанию. Кроме того, он настолько хорошо осведомлен о деталях переговоров, которые ведут нидерландцы с местными жителями, что К. П. Бургер предположил, что он являлся одним из переводчиков.

Анонимное сообщение раскрывает уникальные детали многих неприятных эпизодов, включая конфликты между руководителями экспедиции и случаи гибели людей. По-видимому, его автор не ощущал своей принадлежности к морскому цеху и искренне полагал, что императив «не выносить сор из избы» на него не распространяется. В отличие от него, Ян Хейген ван Линсхотен и Геррит де Вейр в своих предназначенных для широкой публики отчетах обходили такие эпизоды молчанием или же ограничивались полупамятками. Поскольку по времени своего выхода в свет неизвестный нидерландский оригинал предшествует не только «Плаванию» Линсхотена (1601), но и «Дневнику» де Вейра (май 1598 года), любые совпадения между ними прямо свидетельствуют о достоверности анонимного сообщения. В тех же случаях, когда событие, детально описанное анонимным автором, в более поздних отчетах упомянуто лишь вскользь, есть все основания полагать верными и детали.

Таким образом, анонимное сообщение в сборнике Конрада Лёва можно рассматривать в качестве третьего независимого источника сведений о плавании 1595 года, в дополнение к двум известным – де Вейра и Линсхотена.

Исключительно любопытна карта, приложенная к сборнику Конрада Лёва, которая может служить дополнительным свидетельством в пользу оригинальности анонимного сообщения. Это наивная карта, составленная явно непрофессионалом на основании случайно услышанных отрывочных сведений, радикальным образом отличается от карт Баренца и де Вейра. Достаточно обратить внимание на мыс Табин, который стал северной оконечностью Новой Земли! Будь эта карта частью мистификации, она бы непременно была более правдоподобной. Изображенная на ней виселица с повешенными нашла свое место и на карте в издании Хульсиуса.

Карта Новой Земли из сборника Meer oder Seehanen Buch. Cöln: Bertram Buchholtz, 1598. John Carter Brown Library

Также интересно отметить, что гравюры Хульсиуса, основанные на анонимном сообщении, по своей информационной насыщенности и драматизму выгодно отличаются от более академических иллюстраций, использованных в амстердамских изданиях *Дневника*. Не случайно многие из позднейших издателей предпочитали использовать их в своих публикациях. Однако в сочетании с классическим текстом *Дневника* они оказываются лишены своего контекста и при внимательном рассмотрении могут вызвать недоумение. Так, в московском издании 2011 года гравюра, изображающая столкновение судов 6 августа 1595 года, использована для иллюстрации плавания 1594 года и снабжена безобидной подписью «... но поднялся такой сильный западный ветер, что пришлось убрать марсели...» [Де Вейр, 2011. С. 38]. На гравюре между тем изображены два явно терпящих бедствие корабля, Guilden Windehunde и Vice Admiral, у первого из которых сломана мачта, четыре человека гибнут в волнах, а одного спасает яхта Rotterdam.

КАК ВОСКРЕСЕНЬЕ СТАЛО ВТОРНИКОМ

Среди религиозных праздников, которые зимовщики на Новой Земле отмечали «весельем», был канун Великого поста, 16 февраля. Геррит де Вейр писал: «мы немного повеселились среди наших тягот и горестей: каждый внес свой вклад в виде сбереженной порции вина, чтобы выпить за то, что зима идет на убыль». В нидерландском оригинале этот день назван словом Vastelavont, которое означает буквально «канун поста», но само по себе не связано ни к какому определенному дню недели. Великий пост в западных церквях начинается

в Пепельную среду (англ. *Ash Wednesday*), а предшествующий день – последний день карнавала – носит название Жирного вторника (англ. *Shrove Tuesday*, хотя, пожалуй, на слуху в большей степени его французское название – *Mardi Gras*). Именно таким толкованием слова *Vastelavont*, по-видимому, руководствовался в 1609 году первый английский переводчик *Дневника* Уильям Филлип, решивший, что 16 февраля – это Жирный вторник. Вслед за У. Филлипом день этот называют вторником и другие комментаторы. Однако любой электронный календарь подскажет, что 16 февраля 1597 года было воскресеньем. В чём здесь дело?

Действительно, в соответствии с кальвинистскими традициями торжества и «веселье» можно было устраивать только по воскресеньям. Точное название последнего воскресенья перед постом – *Rapenvastelavont*, что можно перевести как «папский канун». Смысл этого названия заключается в том, что священнослужителям полагалось начинать поститься на два дня раньше – в понедельник, а не в среду, – дабы они могли своим благочестивым примером удерживать паству от излишеств Жирного вторника. По-видимому, Геррит де Вейр или его издатель Корнелис Клас сочли, что в кальвинистском Амстердаме неуместно упоминать папу римского даже в столь нейтральном контексте, и сократили название праздника, чем ввели в заблуждение переводчиков и комментаторов.

ГДЕ ВИЛЛЕМ БАРЕНЦ СПРЯТАЛ СВОЮ ПРОЩАЛЬНУЮ ЗАПИСКУ

О событиях того дня, когда зимовщики покинули Благохранимый дом (13 июня 1597 года), де Вейр записал в «Дневнике»: Баренц заранее составил короткую записку («*een cleyn cedelken*» – в этом слове легко узнать русскую цидулю), вложил ее в «*een muskets mate*» и затем сам повесил в дымоходе. Устаревшее и при том многозначное слово *mate*, по-видимому, ввело в заблуждение комментаторов, которые понимали его как «нечто сопутствующее мушкету».

В латинском переводе (1598) место хранения записки названо «огнестрельной мерой» (*sclopi mensura*), в английском (1609) – мушкетным зарядом (*a muskets charge*). С немецким переводом приключился курьез. В нюрнбергском издании 1598 года находим выражение «мушкетный орех» – *ein Muscet Nuß*. Орехом называлась деталь спускового механизма арбалета – барабан с выступами для курка и тетивы. Нелепость перевода бросалась в глаза: не только деталь эта отсутствует в затворе мушкета, но и записку в таком барабане спрятать негде. И уже в следующем немецком издании (1602) на его месте появляется «мускатный орех» – *ein Muscatnuß*. По-видимому, нюрнбергский редактор решил, что этот вожделенный предмет ост-индской торговли с его драгоценной оболочкой – идеальное место для сохранения послания!

В русских переводах «Дневника» де Вейра судьба контейнера, в котором хранилась записка, приняла другой оборот. В издании 1936 года он назван «мушкетным зарядом» со сноской: «В голландском оригинале “положил ее в мушкетный патрон”». В издании 2011 года – «мушкетный патрон». Встречается еще и «мушкетная гильза». Но вот только в XVI веке мушкеты были дульнозарядными: ни гильз, ни патронов в нашем сегодняшнем понимании еще не существовало.

Записку Баренца обнаружил в 1876 году англичанин Чарльз Гардинер. Передавая свою находку лейтенанту Колемансу Бейнену, Чарльз Гардинер надписал на пакете: «*Fragments of manuscript found in powder-horn,*» то есть «Фрагменты рукописи, найденные в пороховом рожке». Когда пакет попал в Морское министерство и Государственный архив, там прочитали: пороховой рог, или пороховница. Среди реликвий Благохранимого дома такой рог имелся, и всё сразу стало на свои места! В настоящее время этот пороховой рог находится в коллекции Национального музея в Амстердаме, и вплоть до сегодняшнего дня его сопровождает пояснительный текст: «Покидая зимовье, Баренц и ван Хеймскерк поместили прощальное письмо в

пороховой рог. Три столетия спустя рог был обнаружен вместе с находившимся в нём письмом. Выставить письмо не представляется возможным ввиду его ветхости».

Пороховой рог, в котором якобы хранилась итоговая записка (апология) Виллема Баренца и Якоба ван Хеймскерка. Rijksmuseum, Amsterdam (шифр хранения: NG-NM-7764)

Казалось бы – записка, или апология, Виллема Баренца и Якоба ван Хеймскерка, найденная на месте зимовки, должна была поставить точку в спорах о достоверности «Дневника» Геррита де Вейра, ведь ключевые даты обоих документов полностью совпали! Однако этого не произошло. Выходило, что де Вейр либо не видел, куда Баренц положил записку, и эпизод выдумал, либо не знал, как правильно назвать пороховницу. Столь очевидную предвзятость несложно объяснить: в 1870-е годы, когда записка Баренца была найдена и прочитана, за де Вейром тянулась репутация легковесного сочинителя историй о путешествиях.

Заряжание кремневого мушкета в XVI веке было трудоемким делом и состояло из ряда действий, которые нужно было выполнить в строгой последовательности. Порох, пули и пыжи хранились отдельно друг от друга. Объём порохового заряда, засыпаемого в ствол, необходимо было тщательно отмерять, ибо просчет мог привести либо к неэффективному выстрелу, либо к разрыву ствола с печальными последствиями для незадачливого мушкетера. Полагаться на безошибочность действий в боевой обстановке было бы опрометчиво. Поэтому стрелок использовал индивидуальные пороховые заряды, которые сам отмеривал заранее и помещал в специальные контейнеры, которые в зависимости от материала и формы можно было назвать зарядными пеналами, трубками, стаканчиками, мешочками и проч.

Солдат с мушкетом и открытой пороховой мерой (kruitmaat). Якоб де Гейн. Ок. 1597–1608. Rijksmuseum, Amsterdam. PD

Стрельцы в 1613 году. Иллюстрация 106 из книги «Историческое описание одежды и вооружения российских войск» под редакцией А. В. Висковатова, Том 1. СПб, 1841

Мерные пороховые рожки из новоземельской коллекции Национального музея в Амстердаме. Слева – рожок в кожаной оболочке (шифр хранения: NG-NM-7708-2); справа – рожок без оболочки и без доньшка, что позволяет понять, как он был сделан (шифр хранения: NG-NM-7765-1-2)

Около дюжины таких контейнеров крепилось на шнурах к перевязи стрелка-мушкетера. Использование мерных пороховых зарядов не ограничивалось Западной Европой. Так, в Московском государстве в снаряжение стрельца (он же – мушкетер) входила перевязь-берендейка, к которой крепились зарядцы – деревянные мерные пеналы с заранее отмеренным количеством пороха, рассчитанным на один выстрел.

Одно из значений староголландского слова *mate* – мера. В современном нидерландском языке ему соответствует слово *maat*. Выражение, употребленное де Вейром: *in een muskets mate* – относится именно к такому мерному пороховому контейнеру. Пороховые зарядцы, применявшиеся зимовщиками на Новой Земле, изготавливались из листовой латуни и обтягивались кожей. Они имеют характерную коническую форму, как хорошо видно на примере экспонатов того же Национального музея. Как охотник, Чарльз Гардинер догадался о назначении предмета, в котором им была найдена записка, и употребил наиболее подходящее выражение, отвечающее его форме – пороховой рожок, или, по-английски, *powder-horn*.

Любопытно, что в каталоге коллекции Национального музея в Амстердаме такие мерные пороховые рожки названы общим термином *musketmaat*, что с поправкой на 400 лет эволюции языка полностью соответствует слову, употребленному автором *Дневника*. Геррит де Вейр был точен – как всегда!

ЛЕЙТЕНАНТ ФЛОТА Л. Р. КОЛЕМАНС БЕЙНЕН И ЯХТСМЕН ЧАРЛЬЗ ГАРДИНЕР

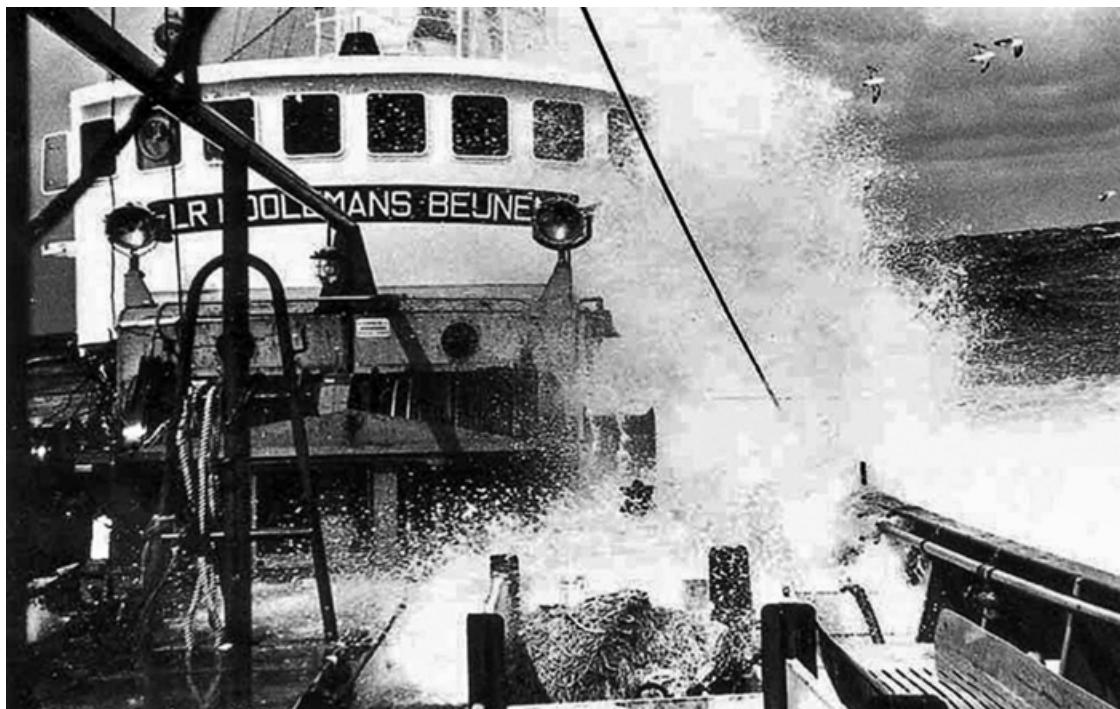
Кроме моряков XVI века и исследователей века XX, у книги, которую вы держите в руках, есть еще целый пласт героев – те, кто шел по следам Баренца в XIX веке. Среди них есть яркие неординарные личности, о которых нам не стоит забывать.

Лауренс Рейнхарт Колеманс Бейнен (1852–1879) прожил короткую и яркую жизнь, прославившись в первую очередь как страстный сторонник возвращения Нидерландов в арктические моря. Младший сын фармацевта из Гааги (два его брата стали генералами), в 19 лет получил звание мичмана, в 22 – лейтенанта флота. Участвовал в двух арктических плаваниях на борту английской яхты *Pandora* (1875–1876). В возрасте 24 лет выполнил работу, которую принято считать уделом убежденных сединами ученых мужей, – редактировал 2-е английское аннотированное издание «Дневника» де Вейра, вышедшее в свет после открытий Карлсена, Гундерсена и Гардинера. Умер в возрасте 27 лет в Индонезии, когда нестерпимые боли – результат обострившейся в тропическом климате хронической болезни – привели к самоубийству.

Его 260-страничная биография вышла 19 изданиями на нидерландском и английском языках (1880–1918). Имя Л. Р. Колеманса Бейнена последовательно носили несколько кораблей, последний, пятый из которых получил его в 1964 году.

Чарльз Гардинер, в 1876 году изменивший под обаянием личности Колеманса Бейнена свои планы и отправившийся на Новую Землю, где среди других важнейших свидетельств обнаружил записку Баренца и Хеймскерка, писал ему по возвращении: «Я не могу выразить словами, насколько я обязан Вам за тот интерес, который Вы явили к реликвиям Баренца, и за Ваше согласие позаботиться о них. Если Ваши соотечественники готовы их принять, я сочту за великую честь и буду лишь безмерно гордиться тем, что в моих силах было сделать им этот дар» [De Jonge 1877: 39].

Л. Р. Колеманс Бейнен
Траулер «Л. Р. Колеманс Бейнен» в море. 1964–1979

Сам Чарльз Лоренс Вир Гардинер (1849–1925) был состоятельным молодым человеком, унаследовавшим значительные земли в Южном Оксфордшире, который вел «холостяцкий образ жизни» в поместье на берегу Темзы (впоследствии превращенном в яхт-клуб). Яхта *Glowworm* была построена по его заказу в 1876 году на верфях Day & Summers в Нортаме и предназначалась для «развлекательных круизов». Встреча с Колемансом Бейненом стала судьбоносной. Плавание на Новую Землю оказалось его первым и единственным таким круизом. Навсегда вписав свое имя в историю полярных исследований, он в 1878 году продал *Glowworm*, а в 1891 году женился и переехал в Девоншир, где прожил до конца своих дней на берегу моря, но в морских экспедициях более участия не принимал.

БЛАГОДАРНОСТИ

Завершая редакторское вступление, я бы хотел выразить свою искреннюю благодарность и глубокую признательность всем тем занятым и прежде незнакомым мне людям, которые с готовностью откликнулись на мои просьбы помочь разобраться с тем или иным вопросом, возникшим в процессе редактирования книги. Среди них – Джордж Маат (Лейден), Елена Шамильевна Галимова (Архангельск), Петр Владимирович Боярский (Москва), Эрки Таммиксаар (Тарту), Эндрю Янг (Сан-Диего), Мила Зинкова (Сан-Франциско), Йоррит-Ян Верлаан (Утрехт). Моя особая благодарность и низкий поклон Марии Смольяниновой за предоставленные тексты оригинальных отчетов Дмитрия Федоровича Кравченко.

Денис Хотимский

От автора

Это книга о людях, которые живут мыслями о Виллеме Баренце и отправляются по его стопам на Новую Землю в завершающем десятилетии XX века, как только Российская Арктика становится открытой для иностранцев.

Через 400 лет после исторических арктических плаваний нидерландцы вернулись на место, где зимовали их соотечественники. Для всех нас, чье детство и юность пришлись на эпоху холодной войны, Новая Земля находилась словно на другой планете. Лежащий за непроходимыми многолетними льдами, а позже накрепко закрытый железным занавесом, архипелаг оставался недостижимым на протяжении многих поколений. Но мир изменился быстро и неожиданно. Вместе с нашими вновь обретенными русскими друзьями нидерландские исследователи и искатели приключений изучали останки зимовья и занимались поисками судна и могил нидерландских первопроходцев. Двадцать пять лет спустя, листая наши старые экспедиционные журналы, мы видим, что они удивительным образом отражают дух того времени: нашу радость от узнавания этой необыкновенной земли и от встречи друг с другом.

История девятимесячной зимовки на Новой Земле приобретает новое значение в XXI веке. С наступлением глобального потепления снег и лед постепенно отступают, и тайна, покрывавшая эти места до недавнего времени, рассеивается. Мы застали исчезающий пейзаж: руины полярных станций, на поддержание которых в рабочем состоянии на протяжении десятилетий шли огромные усилия и которые теперь быстро разрушаются под воздействием стихий. То тут, то там на заднем плане присутствует Баренц – своим отражением в разводах между льдинами или же тенью на истлевших бревнах зимовья.

Виллем Баренц, опытный мореплаватель и картограф, которому между 1594 и 1597 годами не было и сорока, хотел показать, что на вершине мира есть открытый океан или, по крайней мере, проход под полярным солнцем. Он добился своей цели, нанеся на карту Новую Землю и Шпицберген и убедившись в наличии океанских глубин между ними. Семнадцать человек оказались выброшенными на берег этого ледовитого моря. Исследователи былых времен ступили в мир, полный чудес, задолго до того, как арктические поиски превратились в противоборство с природой. Судьба не застала их врасплох: их экспедиция стала первым примером успешной зимовки европейцев в высоких арктических широтах. Север в их глазах был столь же чужд и непонятен, как «Затерянный мир» – фантазия, родившаяся много лет спустя. Новая Земля была диким, необитаемым местом на границе между атлантическими штормами и арктическим паковым льдом. Прилегающий к ней с юга Вайгач – безмолвный, окутанный туманами, с сакральными местами северных кочевников. Отчеты нидерландских мореплавателей – дневники, составленные Герритом де Вейром и Яном Хейгенем ван Линсхотеном, – ничуть не утратили своей выразительности и сегодня. Столетия спустя мы словно бы идем рядом с ними, когда они впервые встречаются с «самоедами» или упорно продвигаются вперед сквозь ледяные поля. Находясь в безопасности, мы отслеживаем передвижения выживших участников зимовки от одного залива к другому по нашим спутниковым картам, в то время как они шли через бурные моря и неизведанные земли.

Наши полярные дневники были написаны на исходе XX века, но мы испытывали то же искреннее удивление, которое чувствуется на каждой странице в отчетах первых исследователей. Всё то, что в наши дни определяет скорость и удобство арктических путешествий: современные стальные суда ледового класса, оснащенные мощными дизельными и ядерными двигателями, современные вертолеты и сетевые электронные карты, – бесконечно далеко от того первого прыжка в неизведанное. Наши сегодняшние экспедиции кратковременны – у нас обычно не хватает средств, да и нет времени, чтобы надолго останавливаться в одном месте. В 2021 году последствия ускоряющегося изменения климата и таяния полярных льдов ощу-

щаются по всему миру. Природа оказалась побеждена и подчинена, как и предсказывал Йост ван ден Вондел в 1613 году в своей поэме, которую мы здесь приводим. Беспримерный переход через ледяные поля и коварные проливы, который совершил Валериан Альбанов в 1914 году, руководствуясь книгой Фритьофа Нансена, сегодня сочли бы разве что экстремальным спортом. Это также книга об Арктике и о том, что чувствует человек, попадая туда. Мы не просто следовали за Баренцем, а стремились заново пережить его классические путешествия, восстанавливая те величественные детали, которые будоражили воображение людей на протяжении столетий.

Ягъян Зеберг

Наймеген, 31 января 2021 года

Глава 1

В ледовитое море!

Утром 3 марта 1991 года, когда зима поливала последними холодными дождями насквозь промокшую голландскую землю, Дмитрий Кравченко прибыл в Амстердам. Больше 10 лет все мысли Кравченко, сухопарого, седобородого человека с впалыми щеками, занимала сцена из прошлого, возникшая перед его глазами на далеком, запорошенном снегом арктическом острове. Он был человеком цели – историком и искателем приключений. Теперь он направлялся в Рейксмузеум, расположенный в самом центре города. В небольшом чемоданчике он вез план – довершить задуманное Виллемом Баренцем плавание вокруг Евразийского континента. Кравченко рассчитывал, что в Нидерландах его репутация полярного исследователя и специалиста по зимовке Баренца откроет перед ним множество дверей и позволит получить доступ к щедрому финансированию. Уверенный в успехе, он оказался перед входом в музей и теперь, стоя среди заезжих гостей в очереди за билетами, тщательно подбирал английские слова.

– Мне нужно встретиться со специалистом по Баренцу доктором Браатом, – объявил Кравченко, сделав несколько решительных шагов к билетной стойке.

– Здравствуйте, сэр! Это вход в музей, – ответила женщина через окошко в толстом стекле. – Может быть, вы хотите купить билет?

– У меня 20-летний опыт исследований в Арктике, – невозмутимо продолжал Кравченко. – Мы соорудили 6-метровый крест и сложили пирамиду из камней на том месте, где стоял зимовочный дом, в честь Баренца и его людей. Этот знак также должен послужить предупреждением: это историческое место, оно находится под охраной!

Служащая за стеклом вежливо кивнула (в те времена люди были терпимее, чем сейчас) и знаком подозвала сотрудника службы безопасности. Кравченко попросил подошедшего музейного охранника устроить ему встречу с Йостом Браатом, куратором и архивистом отдела истории Нидерландов. За последние 12 лет они несколько раз встречались в Москве, и теперь Кравченко вернулся с новым планом. Охранник, однако, объяснил Кравченко, что тот пришел не по адресу: офисы и архивы располагались в другом здании, на противоположной стороне улицы.

– Простите, сэр, но вы задерживаете очередь, – сказал он ему. – Пожалуйста, отойдите в сторону.

Кравченко поколебался и затем, добавив пару фраз по-русски, вышел через вращающуюся дверь на улицу.

– Невелика беда, – бормотал он, шагая прочь от внушительного здания, построенного в XIX веке. Перейдя улицу, он подошел к ничем не примечательному дому и, найдя на дверях медную табличку с надписью «Рейксмузеум», позвонил. Раздался сигнал, и дверь распахнулась. За дверью его снова встретили сотрудники службы безопасности. Но несколько минут спустя он увидел знакомое лицо. Наконец-то Кравченко мог вздохнуть с облегчением – он нашел Йоста Браата.

В 1974 году Йост Браат убедил правительство Нидерландов обратиться с дипломатическим запросом к Советскому Союзу, предложив совместный проект по сохранению остатков зимовья Виллема Баренца – Благохранимого дома. В годы холодной войны такие усилия требовали хороших личных связей. Браат, который в то время был убежденным членом Нидерландской коммунистической партии, ранее встречался с Михаилом Беловым¹¹, заведующим отде-

¹¹ Михаил Иванович Белов (1916–1981) – историк, специалист в области истории географических исследований Арктики и Сибири, автор множества научных работ, в том числе фундаментального четырехтомного труда «История открытия и освоения Северного морского пути» (1956–1969).

лом в Арктическом и антарктическом научно-исследовательском институте (ААНИИ). Браат сразу же поинтересовался у него, что в действительности сохранилось от Благохранимого дома. «Ничего... – последовал ответ. – Там ничего не осталось». Тем не менее в 1977 году Белов организовал для Дмитрия Кравченко возможность посетить север Новой Земли и уточнить ответ на вопрос Браата. В тот год суровые погодные условия вынудили Кравченко вернуться в Архангельск раньше, чем планировалось, но двумя годами позже удача ему улыбнулась. Между 2 и 6 августа 1979 года, а затем в 1980-м Кравченко сумел найти и зарисовать остатки бревенчатого дома и еще около 130 объектов: куски кожи, черепки, железные гвозди, инструменты, оружие и одежду [Kravchenko 1983, Floore 1998]. В лежавшем на берегу большом, 4-метровом фрагменте борта корабля, ранее описанном Э. Карлсеном в 1871 [Koolemans-Beijnen 1876] и Б. В. Милорадовичем в 1933 [Милорадович 1934] годах, были обнаружены кованые гвозди, идентичные тем, что использовались при строительстве зимовья. На северной оконечности Новой Земли Кравченко нашел несколько сложенных из камней пирамид – гуриев, – а также вкопанный в землю деревянный столб с отчетливо читавшимися на нём буквами BAR. Как только информация об этих находках достигла Нидерландов, местные газеты вышли с заголовками «Могила Виллема Баренца обнаружена на Новой Земле» (Telegraaf 25-8-1979, NRC Handelsblad 10-9-1979) и «Русские энтузиасты нашли корабль Баренца» (NRC Handelsblad 13-9-1979). Настойчивость Браата себя оправдала: местность вокруг Благохранимого дома до сих пор была усеяна различными предметами, погруженными в толстый слой мха. «Находки сыпались одна за другой как из рога изобилия, словно бы сама Фортуна решила присоединиться к экспедиции», – писал Кравченко о своем первом обследовании объекта [Kravchenko 1981, 16]. 18 октября 1980 г. по советскому телевидению показали его документальный фильм «В поисках сокровищ». Всё еще под впечатлением от зимовки, Кравченко начал готовиться к своему самому экстремальному эксперименту: в честь Баренца он планировал пройти на двух небольших судах Северным морским путем.

«Мы планируем выйти из Амстердама в конце мая, – взволнованно объяснял Кравченко, сидя перед столом Браата. – Первая половина плавания проходит мимо Северной Европы и Советского Союза по направлению к Японии, куда мы прибудем в ноябре. В 1992 году мы вернемся через Аляску, Канаду, Гренландию и Исландию. Если вы захотите, мы можем организовать остановку на Новой Земле, чтобы вы могли изучить место зимовки Баренца». Браат, улыбаясь, объяснил, что нидерландское исследование – это чисто бумажный проект: очистка и описание предметов, найденных на зимовке, и их подготовка для экспозиции. Для предприятия, которое задумал Кравченко, нужно найти людей, которые уже участвовали в подобных плаваниях. В любом случае Рейксмузеум не то место, где можно найти экипаж для подобных судов. Не зная, как отделаться от настойчивого русского, Браат позвонил Хенку ван Вейну, бывшему производителю мотоциклов и спонсору археологических экспедиций, проводивших раскопки китобойных станций на Шпицбергене 10 годами ранее. Хенк ван Вейн посоветовал Кравченко посетить Мореходную школу в Энкхаузене, где, возможно, удастся найти экипаж и какое-то снаряжение для осуществления его планов. Поскольку Кравченко утверждает, что берёт на себя все расходы, добровольцы для его проекта обязательно найдутся. И его поездку в Нидерланды можно будет считать успешной.

На следующий день Кравченко сел в поезд и поехал в Энкхаузен, древний город моряков, расположенный в 50 километрах к северо-востоку от Амстердама, где у него состоялась встреча с директором школы. «В этом году мы впервые получили разрешение провести иностранцев Северным морским путем, – сказал Кравченко. – Мы определенно хотели бы, чтобы экипаж был из Нидерландов, как и сам Баренц». В результате перестройки Советский Союз начал постепенно смягчать ограничения, действовавшие в Арктике. Советский лидер Горбачев заявил в Мурманске, что Северный морской путь будет открыт для прохода иностранных кораблей с мирными и коммерческими целями [Brigham 1991]. Северный морской путь пере-

секает пять различных морей, каждое со своими собственными сроками навигации. Самое непредсказуемое, с большими полями многолетнего льда, – это Карское море, ширина которого составляет 1700 километров. Оно представляет собой коварную ледяную ловушку: его открытая поверхность может замерзнуть в мгновение ока, если ветер поменяет свое направление.

Мореходная школа сочла предложение Кравченко редкой возможностью для курсантов приобрести практический опыт в самых суровых условиях, какие только можно себе представить. При этом участие в проекте сулило им неоценимую пользу, не в последнюю очередь – получение профессиональной оценки перспектив транспортной навигации по этому маршруту в обозримом будущем. Директор остановил свой выбор на двух курсантах: Франс Херес, 33 лет, Мориц Грун, 28 лет, – и в присутствии Кравченко позвонил им. Вскоре после этого Кравченко стоял на пороге дома Франса Хереса.

«А что, если нас зажмет во льдах?» – спросил Франс Херес. «Тогда пойдем пешком», – ответил Кравченко. «Отлично, тогда я согласен». Франсу не требовалось времени на раздумья, и Кравченко вручил ему билет на самолет до Москвы. Потом Кравченко поехал в Вейк-ан-Зее и там, в городке, окруженном дымовыми трубами металлургического завода, встретился с родителями Морица Груна. «Я понимаю, вы беспокоитесь за своего сына, – осторожно начал он. – Ему предстоит опасное плавание на необычном корабле с неизвестным капитаном. Но я сделаю всё от меня зависящее, чтобы вернуть его вам живым и здоровым. Я требую много от своей команды, но от себя я требую еще больше».

Три месяца спустя, в конце июня 1991 года, Франс и Мориц стояли в мурманских доках, недоверчиво разглядывая два судна, на которых им предстояло отправиться в арктические моря старшими помощниками капитанов. «Аспол» (Мориц Грун) и «Виллем Баренц» (Франс Херес) оказались спускаемыми спасательными катерами, вроде тех что используются на больших судах. Эти катера с двойными стенками из полиэстера – 10 метров в длину, абсолютно водонепроницаемые и выкрашенные в ярко-оранжевый цвет, каждый с экипажем из шести человек, – должны были стать им домом на несколько месяцев. За несколько дней они оборудовали катера радарными, глубиномерами и приборами спутниковой навигации из Нидерландов. Залив в баки 700 литров дизельного топлива, которого должно было хватить на неделю плавания, они отчалили в последний день июня. Кравченко оставил инструкции забрать его и остальных членов экипажа в Нарьян-Маре – небольшом портовом городе в устье реки Печоры, до которого оставалось три дня пути на восток. Так началось их захватывающее приключение.

Через Карские Ворота

3 июля 1991 года

«Аспол» и «Виллем Баренц» ловко маневрировали в лабиринте островов, которые составляют дельту реки Печоры. «Это весело!» – передал по радиации Мориц из рубки «Аспола». «Еще как весело!» – откликнулся Франс, который управлял «Виллемом Баренцем».

«Такими темпами мы к полудню будем в Нарьян-Маре», – ответил Франс. Среди песчаных берегов и отмелей, так похожих на побережье Северного моря, курсанты Энкхаузенской мореходной школы чувствовали себя как дома. Они затаили все отверстия в стенах ходовой рубки брезентом, чтобы не пустить внутрь злобных северных комаров. При закрытом переднем люке под палубой было тепло и влажно. Катера обошли вокруг песчаных отмелей, взбаламутив болотистую прибрежную полосу, поросшую тростником. Было 3 часа утра, и солнце поднялось над уровнем горизонта на высоту ладони.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ФРАНСА ХЕРЕСА [Ф. Х.] И МОРИЦА ГРУНА [М. Г.]

4 июля 1991 года

[Ф. Х.] «Мы будем плыть, пока не уткнемся в сплошной лед», – сказал Дмитрий журналисту. Дмитрий [Кравченко], должно быть, очень влиятельный человек, если ему удалось получить для нас допуск в закрытую Советскую Арктику. По пути из Мурманска в Нарьян-Мар мы испытали наше оборудование. За четыре с половиной дня плавания с нами произошли все возможные неприятности: масло внезапно вылилось из двигателя, и нас стало сносить по течению. «Аспол» ничего не заметил и уплыл вперед приблизительно на 5 километров. Связаться с ними по радио не удалось, а они даже не удосужились оглянуться. Особой угрозы не было, поэтому мы не стали подавать сигналы из ракетницы. Мы бросили якорь на глубине 10 метров и своими силами остановили утечку масла. Русские, которые нас снабжали, не имели ни малейшего представления о дегазации дизельного топлива. В Нарьян-Маре я немного повозился с мотором. К счастью, вся справочная документация была у меня с собой. Я читал, что Дмитрий хочет, чтобы наше плавание проходило в условиях, похожих на те, в которых оказался Баренц. Что ж, наша стальная пила была такая старая и ржавая, что вполне могла принадлежать кому-то из его спутников. Перед отплытием я на скорую руку отскреб палубу, чтобы удалить остатки дизельного топлива. Невероятно! Они просто проходят мимо, как будто их это не касается. Палуба невероятно скользкая. Запасись продуктами тоже непросто, потому что всё выдается строго по нормам. Деньги не имеют ценности в России: сигареты – вот настоящая валюта. За шесть пачек можно получить килограмм лосося, а за двенадцать пачек – бутылку 95-процентного спирта. Нарьян-Мар – столица тундры. Город расположен в обширной болотистой местности и живет торговлей древесиной, углем, пушниной, рыбой, олениной и нефтью. Прямо на улицах стоят прилавки с товарами, главным образом помидорами, колбасой, одеждой и обувью. В городе почти нет развлечений. Я купил четыре шкуры северного оленя (они мягкие и теплые – на них очень удобно спать), а также

кофе, мед и кетчуп. К настоящему моменты суда загружены почти под завязку, но вот только у «Аспола» крен на левый борт.

Экспедиция покинула Нарьян-Мар 15 июля. Вскоре после полуночи они вышли из речного устья в открытое море. «Первое, что мы увидели, была косатка, игравшая с корягой. Надо внимательно следить за плавником», – записал в дневнике Франс. На следующее утро суда встретили первый лед: глыбу длиной около 10 метров. «Восхитительного голубого цвета», – написал Мориц, чувствуя, как душа уходит в пятки при виде массивной ледяной громадины, и втайне желая повернуть назад.

«Шкипер Валера показал жестами, что лед здесь – нормальное дело и он насмотрелся на него вдоволь – по горло», – писал Франс. «Потом туман и снова лед. Погода меняется, начался мелкий дождь. Приближался фронт высокого давления – погода должна будет улучшиться. В этих местах погода меняется очень быстро».

Они шли в густом тумане, и Мориц решил спуститься вниз за теплыми вещами. К вечеру остров Вайгач замаячил перед маленькими суденышками большим темным силуэтом, с грозными контурами отвесных утесов, поднимающихся из океана, как исполинские чудовища. Глядя вперед, Мориц снова поежился. «Я тут был много раз, – пробасил капитан «Аспола» Геннадий Гришин сквозь свою густую бороду. – Волноваться не о чем!»

Остановка на Вайгаче была запланирована заранее, поскольку Кравченко хотел навестить одно из своих предприятий. На севере Вайгача, в Долгой Губе, длина которой составляет около 16 километров, они заметили несколько десятков маленьких лодок, из которых молодые мужчины и женщины в желтых и оранжевых дождевиках добывали водоросли.

[М. Г.] Наш корабль идет в тумане, окруженный небольшими глыбами льда. Мы медленно плывем по направлению к небольшой галечной бухте, в глубине которой виднеется небольшой деревянный домик. Каждое утро людей отвозят к полям ламинарии в больших баркасах из полипропилена, и целый день они занимаются тем, что вытаскивают водоросли из ледяной воды. Их лодки плывут по воле ветров и приливов.

[Ф. Х.] Эта водоросль называется ламинария, она помогает выводить из организма радиоактивные элементы. Они перегружают ее на судно, где потом замораживают. Это чертовски надоедает – болтаться целый день по заливу, без четкой цели. «Авось», – говорят они; это значит – плана нет. Дмитрий никуда не торопится. Пролив Карские Ворота – начальная точка Северного морского пути – покрыт льдом, поэтому мы не можем войти в Карское море. Ширина пролива около 50 километров. Наши катера могут дойти до Новой Земли за шесть часов, но сегодня шквалистый ветер – выходить в море нельзя. Думаю, мы должны отправиться туда как можно скорее; экспедиция по следам Виллема Баренца просто обязана побывать на Новой Земле.

Энтузиазм и мастерство молодых курсантов, а также их горячий интерес к Новой Земле так понравились Кравченко, что он внезапно решил сходить с ними к месту зимовки Баренца. Это был импульсивный жест. Технически этого делать не стоило, поскольку окон возможностей для прохода между ледяными полями становилось меньше с каждым днем. С бюрократической точки зрения это также было очень трудно. Самое узкое место Северного морского пути – пролив Вилькицкого. Из навигационного альманаха Arctic Pilot, за год до того переизданного Британским адмиралтейством, Франс знал, что, как правило, пролив судоходен только с конца августа до конца сентября. Если они не обогнут мыс Челюскин до конца сентября, то окажутся в ловушке. Мориц возражал против захода на Новую Землю, поскольку считал, что времени у них почти не осталось, но, по мнению Франса, попробовать стоило. Кравченко загорелся этой

идеей: другой возможности вернуть нидерландских моряков к месту, где зимовали их соотечественники, может и не представиться. Экспедиция превратилась в гонку со временем.

На берегу Ледяной Гавани. Август 1979 года. Фото: Юозас Казлаускас
22 июля 1991 года

Когда катера стояли на якорю у мыса Болванский, самой северной точки острова Вайгач, мимо них прошел длинный бронированный корабль: это были пограничники. Машина-амфибия с ревом съехала на берег и, подпрыгивая на кочках, отвезла экипажи «Аспола» и «Виллема Баренца» на военную базу для допроса. Модульные домики, служившие казармой, стояли посреди голой каменистой земли. Там размещалось около 50 военнослужащих. Разговор длился пять часов, но Кравченко не смог убедить командира дать разрешение на поездку на Новую Землю. «Я первый раз попал на Новую Землю в составе экспедиции, которая разыскивала остатки немецких подводных лодок времен Второй мировой войны, – объяснял Кравченко. – А потом кто-то спросил меня: почему бы тебе не съездить в Ледяную Гавань, где зимовал Баренц? Я тогда был просто моряком и ничего не знал про зимовку Баренца, но потом члены нашей экспедиции стали про это читать, и в 1977 году я первый раз побывал в Ледяной Гавани». Однако после того, как в прошлом, 1990 году активисты Гринпис высадились на Новой Земле в знак протеста против сброса в океан радиоактивных отходов, меры по охране побережья были ужесточены. По просьбе Кравченко Франс написал письмо командиру базы, в котором объяснил, что его интерес к Новой Земле носит чисто исторический характер, но на офицера это не произвело никакого впечатления. Теперь Дмитрию еще больше захотелось добраться до места зимовки, и он тут же отправился в Амдерму, откуда можно было вылететь в Москву, чтобы получить разрешение от вышестоящего начальства.

29 июля 1991 года

[Ф. Х.] Дмитрий и его жена Ирина улетели в Москву. В Амдерме мы от нечего делать пьем, сплетничаем, запасаем продукты и ходим на катерах в пробные рейсы. Побывали на гидрографическом исследовательском судне.

Нам устроили экскурсию по всему кораблю. Мы были вместе с капитаном, когда всё судно, 60 метров длиной, внезапно задрожало. Мы не могли понять, что случилось, но вскоре забыли об этом происшествии. Мы сидели все вместе и пили кофе, когда неожиданно ввалился наш кинооператор вместе с каким-то своим пьяным в стельку напарником. Мы с Морицем слегка разозлились. Затем этот выпивоха смял карту и, наконец, пролил кофе на ковер. Я отнял у него чашку, и мы распрощались. Оказалось, они пришли за нами на катере и стали колотить по обшивке этого прекрасного корабля – первого русского судна, которое мы увидели в хорошем состоянии и в надежных руках. Я сам встал за руль, когда мы отчаливали, но потом этот пьяный негодяй рванул на полной скорости в открытое море. Это стало последней каплей. Крича и чертыхаясь, мы направили катер обратно в бухту.

Сегодня мы ходили по берегу в аэропорт, чтобы посмотреть на четырехмоторный турбовинтовой самолет. На нём прилетела группа ученых, которые направлялись на Новую Землю для проведения исследований магнитного поля земли. Они собирались лететь вдоль острова на север. Мы сразу же спросили их, как далеко от Благохранимого дома они планируют остановиться. «А где это? – спросил один из ученых. – Может, поднимешься к нам и покажешь?» Я запрыгнул прямо внутрь. Одно из окон было выпуклым, как купол, а в полу находился еще один иллюминатор. На борту этого самолета не существовало никаких строгих правил. Ходить можно было везде. Мне даже дали посидеть за штурвалом, но самолет так рыскал по курсу, что все сбежались посмотреть, в чём дело. Полёт туда и обратно занял 10 часов. Мы видели множество ледников и замерзшее море. Я также видел Ледяную Гавань ровно там, где она должна быть по карте. Надеюсь, Дмитрий добудет разрешение, чтобы мы смогли там побывать. Вечером мы с Морицем порыбачили часок со шлюпки прямо у входа в бухту.

На север к Новой Земле

5 августа 1991 года

[Ф. Х.] Кравченко вернулся с разрешением посетить Новую Землю. Теперь сроки стали критически важны, и напряжение возросло. Кравченко высказал всё, что думает насчет дисциплины, и отстранил капитана «Виллема Баренца». Валера расстроен, но, по словам Кравченко, два капитана на одном судне – это вдвое больше, чем нужно.

После этого мы взяли курс на остров Белый, чтобы залить баки топливом. Оттуда мы должны были идти на север по 70-му меридиану к Благохранимому дому. Карта, которой мы сейчас пользуемся, наверное, попадет в музей. Прокладка курса до Благохранимого дома – это исторический момент.

Линия горизонта терялась между морем и затянутым тучами небом. Ветер изменился на северный, и волны теперь накатывались с левого борта. Мориц развернул катер на несколько румбов к ветру, поскольку крохотный «Аспол» боролся с волнами из последних сил. Тут же раздался сигнал радиотелефона, и Мориц получил GPS-координаты новой промежуточной точки в пяти морских милях от берега, возвращающей нас на прежний курс. Погода ухудшилась и все на борту страдали от морской болезни. Волны были такими высокими, что временами «Аспол» совсем останавливался, как будто упирался в стену.

7 августа 1991 года

[Ф. Х.] Прибыли на остров Белый (который совсем не белый). Три человека отправились к домику рыбака, который живет в 6 километрах отсюда. Они хотят воспользоваться его радиостанцией, чтобы запросить прогноз погоды. Оба капитана сошли на берег. Весь экипаж, кроме меня и Миши, лег спать. Миша спит, укрывшись бушлатом. Когда я спросил: «Почему ты укрываешься бушлатом?» – он ответил: «Мне не выдали спального мешка». К востоку от острова в море впадает река Обь – одна из крупнейших российских рек. Она порождает быстрое течение. Иногда мимо нас проплывает целая куча деревьев, срубленных или просто поваленных. Что мне делать: забросить сеть или просто порыбачить с удочкой? Здешняя полярная станция – это зона бедствия. В былые дни эта станция запускала метеорологические ракеты, которые достигали высоты 100 километров. Но потом здесь произошел мощный взрыв, вызвавший чудовищный пожар. Бочки из-под горючего по-прежнему валяются по всей округе. На экологию всем, похоже, наплевать. В жизни не видел ничего подобного.

Мы идем вдоль российского побережья в густом тумане, против течения. Наши карты устарели, песчаные мели появляются там, где их раньше не было. В 2 часа дня погода внезапно прояснилась, туман рассеялся, и выглянуло солнце. Мы снова встретили больших белых китов, которых видели, когда стояли на якоре. Это край суровой красоты: изобилие рыбы, множество птиц и тюлени. Прогноз погоды, переданный нам тремя танкерами, неплохой, но для нас не слишком благоприятный: ветер 4–5 баллов по шкале Бофорта и туман. Наши катера очень легкие и ныряют по волнам, как лошадки на карусели. Оказавшись рядом с большим ржавым сухогрузом, мы пополнили запасы воды и сходили в душ. У них на борту я разжился вилками, ножами,

ложками и стаканами, потому что у нас была лишь одна кружка и две ложки. Поскольку наша шлюпка набирала много воды, я выбрал веревку, чтобы подтянуть ее поближе к катеру и закрепить в наклонном положении. Когда Дмитрий это обнаружил, он здорово рассердился. А что оставалось делать? Тащить на буксире, как субмарину, или привязать ее так, чтобы вода, которую она набирает, сразу уходила обратно? В итоге он тоже не стал менять ее положения, так что, похоже, и сам не придумал ничего получше. А может, он просто был не в духе или страдал от морской болезни. Надеюсь, клюз для перлиня выдержит, в противном случае у нас будут большие неприятности.

Вид на лагерь Д. Кравченко со стороны Благохранимого дома. Лето 1979 года

[Ф. Х.] 20 часов 00 минут. Море покрывается тоненькой корочкой льда. Большая льдина перекрывает нам путь к открытой воде. Неужели тупик? После 15 минут столкновений ледяных полей мы нашли полосу свободной ото льда воды, которую «Аспол» быстро пересек. Затем задний ход и поворот, и мы свободны. На расстоянии 20 километров от берега я могу разглядеть Новую Землю – черный силуэт с белыми пятнами снега, освещенный ярким солнцем. До Ледяной Гавани остается еще 120 километров пути, это приблизительно 12 часов ходу. Но настроение на борту опять поменялось.

[М. Г.] Мы увидели Новую Землю под великолепным небом: яркое солнце и небольшие перистые облака. Ветра совсем нет, и, поскольку мы окружены льдами, поверхность воды гладкая как зеркало.

Экспедиция достигла Новой Земли 10 августа. Вдали виднелись гигантские пики ледяных торосов, поднимающиеся из замерзшего моря. Вечером Мориц услышал, как лед трется о пластиковую обшивку их маленького судна, и скомандовал «Право на борт, сбавить ход!», а затем «Прямо руль, полный вперед!». На льдине и на поверхности воды остались следы облупившейся краски.

[Ф. Х.] Следующие несколько часов мы идем во льдах, закрывавших от 10 до 30 % поверхности моря¹². Нас окружают поля толстого льда. Время от времени мы видим тюленей, и я пристально вглядываюсь в даль в надежде увидеть белого медведя. Холод сегодня собачий; прошлой ночью наши катера начали покрываться льдом. Ветер только что сменил направление на несколько румбов – с юго-западного на западный – и стал сильнее. Я спрыгнул на льдину, чтобы понять, что происходит. Когда пришло время обедать, лед стал снова смыкаться. С трудом нашли небольшой участок свободной воды, достаточный, чтобы выбраться наружу. Тут уж нас как ветром сдуло, и мы снова направились на юг, поскольку прогноз ледовой обстановки не сулил ничего хорошего.

11 августа 1991 года

[Ф. Х.] Мы шли близко к берегу и наблюдали с моря широкий ледник. Айсберги были повсюду. Вскоре после этого мы прибыли в Ледяную Гавань. На берегу мы нашли большой фрагмент судна, вероятно, часть обшивки корпуса с поперечными балками и множеством мелких крепежных деталей. Большой крест, который установил там Дмитрий, стоит рядом с местом зимовья. Мы обошли вокруг мыса, чтобы не уничтожить оставшиеся следы. Дмитрий сказал, что мы не должны ничего трогать. Мы поставили катера вплотную друг к другу, кормой к берегу, и спустили трапы. Выше на берегу до сих пор стоят столы, оставшиеся от старого лагеря Дмитрия. Отсюда 10 минут пути до Благохранимого дома. От дома не осталось почти ничего, кроме четырех бревен нижнего венца и подпорки крыши. Рядом с домом лежат железные обручи от старых бочек. Внутренний размер длинной стороны дома – 28 футов¹³ (я измеряю своим приставным шагом). Очаг располагался в середине. Я взял один маленький уголек. Повсюду валялись черепки, кучки гвоздей и остатки прогнивших досок. Всё еще можно было догадаться, где у них был нужник. Два отверстия между бревнами, скорее всего, соответствовали дверям, ведущим в сени и наружу. За домом Мориц нашел пулю. Я сам подобрал кусочки кожи и материи, а также осколки стекла. Дмитрий был здесь уже пять раз, и, по его словам, снега сейчас совсем мало: лишь местами сохранились его многолетние нетающие скопления – снежники, а в море виден лишь один одинокий айсберг. Каменистый, покрытый мелкой галькой берег практически лишен растительности – лишь кое-где виднелись редкие моховые кочки.

На берегу у края снежника мы нашли синюю рубашку с длинными рукавами и шляпочную банку¹⁴. Банка полностью вмерзла в грунт. Мы разожгли костер, чтобы вскипятить воды. С помощью топора, лопаты и того небольшого количества горячей воды, которое нам удалось добыть, мы смогли извлечь ее из мерзлоты. В Нидерландах нет никаких материальных свидетельств с Новой Земли¹⁵, поскольку КГБ засекретил всё, что связано

¹² Речь идет о показателе ледовитости – отношении площади, занятой льдом, к общей площади водной поверхности. В книге нидерландские моряки дают оценку ледовитости в виде дроби со знаменателем 10. В отечественной литературе принято выражать ледовитость в процентах.

¹³ Приблизительно 8,5 метра.

¹⁴ Банка – одна из нескольких горизонтальных досок на шляпке или лодке, которая придает ее корпусу жесткость и вместе с тем служит сиденьем для гребца.

¹⁵ По-видимому, в 1991 году Франс Херес ничего не знал о коллекции предметов из Благохранимого дома (составленной большей частью из находок 1871 года) в Рейхмузее в Амстердаме – см. примечание 3 к главе 2. Несмотря на очевидную неточность, автор книги предпочел сохранить аутентичность дневниковой записи, сделанной участником событий по горячим

с этим регионом¹⁶. Наш счетчик радиации показывал 40×10^7 милликюри. Парень, который носил его с собой, не особенно об этом распространялся. Он говорит, что всё в порядке (думаю, в Москве счетчик показывал 18 милликюри). Будем надеяться на лучшее. Я не буду из-за этого нервничать. Чернобыль был пострашнее¹⁷. Съёмки фильма обернулись сплошной чередой провалов: каждый раз оказывалось, что ничего не готово. Они просто стояли и смотрели, как мы сходим на берег, идем к Благохранимому дому, пытаемся достать из земли вмерзшую в нее банку... А потом нам приходилось повторять всё это на камеру. Мориц дьявольски сердит из-за этого, да и я тоже! Мы пробыли на Новой Земле 10 часов. Погода была отличная.

[М. Г.] Четыре бревна указывали на место, где стоял дом. К западу от него лежало несколько ржавых железных обручей, которые когда-то скрепляли клепки бочек. Кроме того, мы нашли там осколки стекла и фарфора, обрывки ткани и каблук от ботинка. Также на земле валялось много гвоздей с квадратными шляпками. По словам Дмитрия, всё это может служить убедительным доказательством того, что Баренц действительно зимовал здесь. Он также указал на тропинку, которой, как он считает, пользовались 400 лет назад, чтобы перетаскивать вещи между кораблем и зимовьем. Франс нашел кусок старой доски, который оказался обломком скамьи для гребца. Мы поместили ее в пластиковый мешок. Дмитрий не стал больше ничего брать – только скамью, которую он собирался отдать на экспертизу. Он также сказал, что где-то неподалеку должны лежать еще корабельный колокол и пушка. Франс был счастлив и болтал без умолку.

12 августа 1991 года

[Ф. Х.] После посещения Новой Земли мы стараемся избежать встречи с дрейфующими льдинами. Только что несколько штук проплыло мимо нас. Чёрт! Дмитрий никак не может правильно определить координаты, каждый раз промахивается на 2–3 километра. Потом мы видели еще несколько льдин и моржа. Мы возвращаемся на остров Белый. Погода испортилась. Три часа назад налетел шквал, а теперь у нас ветер 4 балла, и когда мы выходим из льдов, начинают образовываться волны. Ветер всё усиливается, и волны всё выше. В 18:00 мы решаем идти по ветру. На острове Белом мы найдем укрытие и сможем дозаправиться. Ветер уже 6 баллов по шкале Бофорта. Несмотря на работающий двигатель, нам уже сложно перемещаться.

15 августа 1991 года

[Ф. Х.] В какой-то момент невероятных размеров льдина грозила выдавить наше угловое суденышко на лед. Ее обширная подводная часть прошла прямо под днищем нашего катера. С помощью крюков нам удалось оттолкнуться от нее подальше. Отваливай! Мы шли в 60 метрах позади «Аспола» по узкому проходу между двумя ледяными полями. Выйдя из него, мы едва успели пройти каких-нибудь 20 метров, когда льды сомкнулись у нас за спиной. Возможно, всё произошло не слишком быстро, но урок по

следам.

¹⁶ Что касается позднейших находок, их пребывание в стране, где они были найдены, обусловлено скорее не режимом секретности, а законодательными нормами по сохранению культурного наследия.

¹⁷ По просьбе автора книги, сохраняя аутентичность дневника Франца Хереса, мы воздерживаемся от количественных и качественных комментариев: ни автор дневника, ни редактор специалистами по радиационной безопасности не являются.

плаванию во льдах мы усвоили мгновенно. Массивные ледяные образования возникли между нами и берегом. Во время моей вахты Дмитрий каждый час заходил, чтобы уточнить обстановку. Но вдруг, незадолго до того как сменить меня в рубке, он набросился на меня с упреками за то, что я слишком отклонился от берега. Тут я тоже вышел из себя. Как можно всё время следовать за «Асполом», который даже не знает, где находится! Потом он пришел извиняться. Прогноз ледовой обстановки очень неблагоприятный. Дмитрий говорит, что Диксон намеренно спускает нам ложные прогнозы. Это вызывает разногласия в команде. Вечером мы обсуждали положение дел. Идея созвать команду на совет на этот раз принадлежала Дмитрию. Мне тоже было что сказать. Они никогда не спрашивают моего мнения и не возражают мне, и это заставляет меня задуматься: они вообще-то понимают, что я говорю? Они уверены, что прохождение фронта низкого давления невозможно предсказать, но на самом деле это не так. Внезапная смена направления ветра и ледяная крупа – обычные явления для циклона. А теперь Дмитрию внезапно понадобилось отправиться на поиски потерянной экспедиции 1912 года. Он хочет продолжать попытки идти вперед еще одну неделю. Некоторые согласны, но кто-то возражает. Где мы найдем прибежище, если ситуация будет ухудшаться? Разговор увяз в обсуждении методов выживания. Дмитрий заявил, что мне наплевать на то, что будет с нашим судном, и раздраженно удалился. Меня это задело до глубины души. Как он может так говорить? Будто это я повредил винт, налетев на лед! Я пошел за ним, и после долгих препирательств мы выяснили, что у нас с ним одна цель: сохранить катер и вернуться домой целыми и невредимыми. Получается, что мы с ним «добрые друзья» и оба можем идти спать со спокойным сердцем.

Прямо сейчас, в 14:00, путь назад нам отрезан. Мы шли курсом на восток-северо-восток, и лед сомкнулся у нас за кормой. Я видел проход к северо-востоку, но Дмитрий воспользоваться им не решился. Мы ходили кругами – ждали. В конце концов решили идти вперед, и тут начался самый настоящий ад. Дмитрий пытался протиснуться между льдинами и сразу же застревал. Тогда он стал требовать, чтобы мы отталкивали лед от носа баграми. Я предложил ему оттолкнуть лед от кормы и дать задний ход, потому что тогда судно развернется кормой против ветра. В ответ он рассердился и отправил меня в каюту. Ценой невероятных усилий нам удалось высвободить катер, причем Дмитрий едва не утопил шлюпку. Оттолкнув наконец массивную льдину, мы получили какое-то место для маневра. «Аспол» призвали на помощь, но делать ему ничего не пришлось. Дмитрий едва не угробил нас всех к чертовой матери. Вчера он обещал держать себя в руках, а сегодня словно с цепи сорвался: выгнал меня с моей вахты и отказался уходить из рубки. Я сказал, что если он не хочет отдыхать, то я сделаю это за него. В 3:30 утра я нанес наши координаты на карту и улегся спать. Мы окружены толстым льдом с ледовитостью 60 % и пытаемся выбраться наружу.

19 августа экспедиция прибыла в Диксон, в устье реки Енисей. Было холодно, и на горизонте проплывал караван айсбергов. Заходя в порт, мы увидели, как навстречу по причалу бегут два милиционера, а с ними несколько солдат-пограничников. «Если по Диксону бегают милиция, значит, произошло что-то серьезное», – сказал Кравченко... И тут пришли новости из Москвы об отстранении Горбачева.

[Ф. Х.] Что происходит? Переворот? Путч? Революция? В чём дело? Михаил хочет лететь в Москву. Сообщают, что там на улицах всюду танки. Слышны выстрелы. Столкновения в аэропорту. Около Белого дома – республиканского парламента – идет манифестация его защитников. Чтобы их поддержать, из Парижа прилетел сам Мстислав Ростропович. Мы все прилипли к приемникам.

Трое суток у катеров стоял милицейский пост. Власти забрали документы экспедиции на проверку. Двое из экипажа «Виллема Баренца» решили покинуть судно. Франс и Мориц тоже взвешивали свои шансы и подумывали о том, чтобы отказаться от попытки пройти Северным морским путем. Кравченко поднял над «Виллемом Баренцем» российский флаг, перешив его из флага Нидерландов. Милиционеры потребовали его спустить, но Кравченко отказался, а те не стали настаивать. А потом всё кончилось... Пост исчез, документы вернули. В невеселом настроении из-за потери еще двух членов команды члены экспедиции взяли на борт запас пресной воды и во второй половине дня 23 августа вышли в море.¹⁸

Дмитрий Кравченко с сыном Федором и экипажем осматривают найденную шляпочную банку. 11 августа 1991 года. Фото: Юозас Казлаускас

К 8:00 вечера мы снова оказались в окружении льда. Мориц поставил наблюдателя на нос и аккуратно вел «Аспол» от одной полыньки к другой. Геннадий стоял рядом с ним и напряженно вглядывался в даль, на лице его проступила усталость. Арктическое лето подходило к концу, и с каждой ночью сумерки становились всё гуще. Луч радара на экране скользил по чудовищным нагромождениям льда. Человек на носу жестами показал, что «Аспол» должен сдать назад. Мориц поставил двигатель на задний ход, и катер снова оказался на чистой воде.

¹⁸ Флаг Нидерландов – три равновеликие горизонтальные полосы: синяя, белая и красная. Любопытно, что, согласно рассказанной Франсом Хересом истории, Д. Ф. Кравченко буквально последовал примеру Петра I, который, как гласит легенда, при посещении в 1693 году Архангельска распорядился изготовить «флаг царя московского» по образцу флага Нидерландов, переставив белую и синюю полосы.

[Ф. Х.] Есть надежда, что лед немного отступит и у нас будет возможность пройти проливом Вилькицкого, но при таком прогнозе погоды море может замерзнуть за неделю. Мы почти не общаемся: мысли у всех заняты льдом. Днем температура была 13 °С, но морская вода переохлажденная: перемена направления ветра может привести к резкому понижению температуры и быстрому образованию льда во всей акватории.

Перед тем как превратиться в лед, поверхность морской воды покрывается слоем ледяной каши, которую называют шугой или ниласом. Это густая сероватая масса, медленно качающаяся на поверхности моря. Нилас может затвердеть в одно мгновение. Кристаллы льда начинали забивать патрубок подачи воды в двигатель.

В ледяной ловушке

Геннадий разбудил Морица в 6:00 утра, и, когда нидерландец поднялся в рубку, он обнаружил, что «Аспол» пришвартовался к «Виллему Баренцу». Выглянув в окно, он увидел о чём-то совещавшихся между собой Геннадия и Кравченко. Франс, заметив за стеклом Морица, указал на необъятную стену льда, простиравшуюся до самого горизонта. «Мы возвращаемся в Диксон?» – спросил Мориц. «Думаю, что нет, – ответил Франс, – они ищут обходной путь». Франс предпочел бы повернуть назад. После Диксона на «Виллеме Баренце» не хватало экипажа. Вернувшись в рубку, Геннадий сообщил о решении: «Будем пока что плыть вдоль ледяного барьера». Мориц завел мотор и повел свое судно за «Виллемом Баренцем». Катера несло течением вместе с дрейфующими льдинами. К вечеру ветер усилился, и в сумерках экспедиция наконец нашла прибежище в небольшой бухте на полуострове Михайлова в архипелаге Шхеры Минина. Дмитрий сообщил нидерландцам, что в этом самом месте укрывался знаменитый русский полярный исследователь Владимир Русанов на «Геркулесе» во время его печально закончившейся экспедиции 1912–1913 годов. В 1973–1975 годах Кравченко возглавлял одну из поисковых групп, шедших по следам экспедиции Русанова. В полумраке северной ночи льдины, подгоняя друг друга, проплывали мимо исторической бухты.¹⁹

Когда на следующее утро Мориц и Геннадий взобрались на ближайшую сопку, чтобы осмотреться по сторонам, настроение у них упало. Далеко, насколько мог видеть взгляд, их окружал сплошной лед. «Дальше идти невозможно», – уверенно заявил Геннадий. Но когда они вернулись на катера, Дмитрий и слышать об этом не желал. Оставив свои суда стоять на якоре в безопасной бухте, они прошли 9 километров до расположенной на полуострове метеостанции, чтобы разузнать на ней про ледовую обстановку в этом районе.

Два дня спустя Кравченко решил, что ждать больше нет смысла. 30 августа, спустя неделю после выхода из Диксона, они покинули полуостров Михайлова. Перед тем как сняться с якоря, Мориц записал их координаты – 75°04' N, 86°29' E и направление – 40° на северо-восток. Около 12:30 Дмитрий вызвал Морица по радию и приказал «Асполу» идти вперед. «Лед становится всё толще, но его по-прежнему можно сравнить с кубиками льда в стакане с кока-колой», – написал Мориц. Радар показывал паковый лед в 22 морских милях (40 километров) впереди. Мориц повернул на восток, чтобы избежать столкновения с ледяным полем, но вскоре они опять увидели перед собой блеск льда. Через непродолжительное время маленькая флотилия вошла в полосу быстро сгущавшегося тумана. В 18:00, передав вахту Геннадии, Мориц дополз до своей койки, но уснуть не получалось. Лежа с открытыми глазами, он слышал, как двигатель глох и заводился снова. «Они пытаются освободиться ото льда», – думал он. Через некоторое время он решил было, что лучше уж ему снова подняться, как тут наше маленькое суденышко жутко накренилось, последовал мощный удар и стук двигателя оборвался.

[Ф. Х.] Ближе к вечеру лед сомкнулся позади нас. После того как мы много часов плыли на северо-восток поперек дрейфующего льда, все просто валились с ног от усталости. Потом широкий проход закончился, и мы вошли в узкий извилистый коридор. «Аспол» шел первым, а я сзади смотрел, как

¹⁹ Владимир Русанов (1875–1913) родился в Орле. Окончив духовную семинарию, стал вольнослушателем в Киевском университете, но вскоре за марксистскую деятельность был исключен и сослан. В 1903 году он переехал в Париж, где окончил естественное отделение Сорбонны. Вдохновленный посещением Русского Севера, книгами Ф. Нансена, в 1907–1911 годах он принял участие в пяти арктических экспедициях, как французских, так и российских, организованных при поддержке Архангельского губернского правления. Русанов стал первым геологом, обследовавшим Новую Землю, и первым исследователем, которому удалось пересечь ее в пешем переходе. В 1912 году он предпринял попытку обогнуть Новую Землю с севера на парусно-моторной шхуне «Геркулес» – и пропал без вести. Историю поисков экспедиции Русанова подробно рассмотрел шотландско-канадский историк Уильям Барр (1940–) [Barr 1974a, b, Barr 1984, Barr 1991] (*Прим. авт.*).

у него получится пройти. Геннадий, стоявший у руля, развернулся слишком широко, а затем резко крутанул в другую сторону, и я увидел, как катер налетел кормой на паковый лед. «Вот упрямец, ты своего добился!» – подумал я. Естественно, «Аспол» сразу остановился, и люди вышли осмотреть винт. Руль был поврежден, и лопасти винта погнулись. Дмитрий крикнул мне, чтобы я готовил буксирный конец. Я уже держал его наготове. Двигаясь носом против ветра, мы вернулись к «Асполу» по сужавшемуся коридору. Когда буксирный конец был закреплен, нам еще надо было развернуться. Дул сильный ветер, и лед постоянно перемещался. Теперь «Аспол» отделяла от «Виллема Баренца» лишь небольшая льдина. Дмитрий приказал встать на носу, чтобы отталкиваться баграми: у нас получилось немного отжать лед. С «Асполом» на буксире Дмитрий попытался двигаться вперед. Движущийся паковый лед грозил в любую минуту раздавить наши суда. Угол ледяного поля уже начал вдвигаться в пространство между ними. Очевидно, что он скоро разделит нас, даже если мы вытравим буксирный конец. Внезапно мы дали крутой дифферент, словно бы вся корма «Виллема Баренца» поднялась из воды. Дмитрий выбросил буксирный конец за борт, пробормотав что-то вроде: «Сам теперь разбирайся».

[М. Г.] Нос «Аспола» продолжал подниматься, и крен на правый борт составлял уже почти 40 градусов. Крик стоял неистовый. Мы зависли на льду на несколько секунд. Все стояли неподвижно. Затем лед под нами затрещал, и «Аспол» провалился в воду. Мы вздохнули с облегчением и перевели взгляд на «Виллема Баренца». Но он тоже оказался в трудном положении. Геннадий понятия не имел, что делать дальше. «Бога ради, подай сигнал бедствия!» – сказал я ему. Немного поколебавшись, он схватил рацию и выкрикнул: «Мэйдэй, мэйдэй, мэйдэй!»²⁰

[Ф. Х.] Мы медленно дрейфовали в разные стороны, двигаясь с ледяными полями. «Каждому свое!» – прокричал я Морицу. Сквозь туман мы смотрели, как течение уносит от нас «Аспол». Я сказал Дмитрию, что, как по мне, пора подавать сигнал SOS... Когда я спустился под палубу, чтобы забрать ракетницу с патронами, а также наш журнал и карты, Дмитрий сосредоточенно повторял: «Мэйдэй!» Быстро записав наши координаты и направление дрейфа, я стал собирать самые нужные вещи на тот случай, если «Виллем Баренц» получит серьезные повреждения: рацию, батареи, сигнальное зеркало, рукавицы и теплые вещи, мои меховые сапоги, примус и канистру с бензином. Потом запихнул в сумку навигационные инструменты, компас, одежду, карты и шоколад. Вокруг нас льдины с треском наталкивались друг на друга, вздымались и рушились. Видимость была не больше 100 метров.

²⁰ Троекратно повторенный возглас «Мэйдэй!» – сигнал бедствия, используемый в голосовой радиосвязи, аналог сигнала SOS в радиотелеграфии. Хотя обычно он передается на письме по-английски, Mayday берёт свое начало от французского m'aidez – искаженного Venez m'aider! – и используется с середины 1920-х годов. Если читателю случится оказаться во франкоговорящей стране, важно помнить, что при подаче сигнала бедствия в акустическом речевом диапазоне вместо M'aidez! следует использовать выражение Au secours!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.